

ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Знаково-символическая деятельность анализируется как система опосредствования, представления и отношения, направленных на отражение и преобразование действительности, и в то же время входящая как действие в структуру всех высших психических функций.

А. В. Цветков

ON THE UNIVERSAL STRUCTURE OF SYMBOLIC ACTIVITY

Symbolic activity analyzed as system of mediation, presentation and relation directed towards reflection and transformation of reality and in the same time included as action in system of all higher psychic functions.

В культурно-исторической психологии проблема опосредствования, также, как осознанности и произвольности психических процессов, относится к числу центральных, поскольку именно эти свойства Л.С. Выготский считал основой, отличающей высшие психические функции от элементарных¹. Однако именно опосредствованию принадлежит в этой триаде главенствующая роль, поскольку через знак, через «закрепленную» в предмете систему значений усваивает, по мнению Л.С. Выготского, ребенок социальный опыт.

Автор выделял три типа «вращивания» (интериоризации) психических операций и иллюстрировал их следующим образом²:

1. «Шов»: чтобы запомнить соответствие картинки «лошадь» кнопке «сани», ребенок использует вспомогательное средство — рисунок саней.
2. Вращивание целиком: ребенок много раз отреагировал на рисунок лошади картинкой саней, поэтому можно предположить, что ребенок уже помнит, соответствующие пары картинка-ключ. Весь ряд внешних стимулов переходит внутрь, разница между внутренними и внешними стимулами-знаками сглаживается.
3. Ребенок усваивает структуру процесса и правила пользования внешними знаками, а поскольку мир внутренних зна-

ков-стимулов куда богаче, переходит к использованию слов из своего запаса.

На этой теоретической основе были построены многочисленные исследования знаково-символической деятельности (преимущественно в школах П. Я. Гальперина и В. В. Давыдова, Д. Б. Эльконина).

Как пишет Н. Г. Салмина³, оперирование и преобразование системы знаково-символических средств, составляющее содержание знаково-символической деятельности, в разных видах деятельности (игровой, учебной и др.) имеет общую структуру и функционирование.

Следовательно, под *знаково-символической деятельностью* мы понимаем отражение и преобразование действительности, ее объектов и интеробъектных связей при помощи специальных средств, основной характеристикой которых является нетождественность отражаемому объекту.

Важными представляются различия между классами психологических орудий — знаком и символом. По мнению Н. Г. Салминой, они лежат в области обозначения содержания объекта у знака и раскрытия его у символа со стороны изображения, отношения, смысла. Однако, продолжает автор, «в данном исследовании эти различия несущественны». Остается добавить, что эта позиция является

традиционной для отечественной педагогической психологии.

В настоящей работе мы опираемся на определение символа, данное А. Ф. Лосевым⁴: символ — идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указание на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком. Уже в этом определении символа кроются определенные противоречия: в другой работе А. Ф. Лосев пишет буквально следующее: «...Символ есть развернутый знак, но знак тоже является неразвернутым символом, его зародышем...». Н. В. Кулагина⁵ поясняет эту цитату как понимание символа как «разновидность знака, предельно обобщенная знаковость». Также Н. В. Кулагина обсуждает другую цитату из упомянутой работы А. Ф. Лосева: «...Символ есть та обобщенная смысловая мощь предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, осмысливает собой и всю бесконечность частных предметов, смыслом которых она является, но «символ не просто обозначает бесконечное количество индивидуальностей, но он также есть и закон их возникновения (А. Ф. Лосев)...». Сопоставляя приведенные определения символа, следует признать, что *символ* как структура осмысливающая «бесконечность частных предметов» является все-таки *неразвернутым знаком*, но, учитывая, что символ содержит «в себе все возможные проявления вещи и создает перспективу для...перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к его отдельным единичностям...» (А. Ф. Лосев), то он является *развернутой знаковостью* — индивидуальный знак несет на себе единичное проявление вещи, одно значение и смысл — будучи взят не сам по себе, а в контексте человеческой деятельности и общения. Таким образом, в качестве основного параметра различения символа и знака выступают отношения значения и смысла, закрепленных за сопоставляемыми структурами. Немаловаж-

но и происхождение, качество значений и смыслов — социокультурное или сугубо внутрличностное, их распространенность в сознании субъекта на узкую область человеческой практики или на интегральный образ мира и т. д.

Как пишет Л. С. Цветкова⁶, предметный образ-представление выполняет двоякую функцию: является знаком некоторого предмета и несет не его значение (в отличие от обозначающего его слова), а смысл, который формируется в процессе невербального мышления. Поэтому, несмотря на то, что предметный образ-представление относится все же к знаковым средствам опосредования, он максимально приближается к символу по образующим его компонентам и выполняемой функции. По цитированному определению А. Ф. Лосева символ «есть предельно неразвернутый знак». Опираясь на данное определение символа, а также на представление о его трехкомпонентной структуре, можно предположить, что именно образ-представление, означающий некоторое множество предметов, их взаимосвязи и взаимовлияния, а также и предметно представленных ситуаций, обозначаемых одним словом, является тем знаком, множество которых, проходя процесс обобщения, объединяются в символ, представляя его психологическое содержание.

По мнению Л. С. Цветковой, несмотря на то, что предметный образ-представление предельно абстрактен, актуализируясь при предъявлении любого стимула, относящегося к входящим в образ-представление предметам (например, «яблоки»), на слово-стимул в сознании «всплывает» некоторый довольно конкретный образ, хотя и несущий в себе все черты класса предметов.

Классификация знаков и символов, используемая в нашей работе, включает в себя интеграцию классификации знаков, предложенной Чарльзом Пирсом, и клас-

сификаций символов Эриха Фромма, предложенную Н.В. Кулагиной.

Знаки по Ч. Пирсу:

1. Иконические — изоморфные копии обозначаемого предмета, знак основан на простом подобии. Знаками такого рода являются фотографии, чертежи, рисунки.

2. Индексальные — основаны на реально существующей пространственно-временной связи знака и обозначаемого. Таковыми являются медицинские симптомы, показания измерительных приборов.

3. Символические — связь знака и обозначаемого является полностью условной, основана на некотором соглашении, известном достаточно широкому кругу людей. Знак интерпретируется как обозначаемое только тогда, когда это соглашение известно, поскольку никакой реальной связи через свойства знака не существует. Такими являются языковые знаки, рассматриваемые Пирсом как единственно истинные знаки. В такой трактовке использование термина «символ» обозначает предельно обобщенную знаковость, свидетельствует о сближении знаковое™ и символичности в понимании Пирса. В понимании А. Ф. Лосева, знак и символ изначально были достаточно близки. Так, за словесным знаком, по Лосеву, стоит огромный пласт исторического опыта, неразрывно связывающего слово с обозначаемым предметом, а буквы — со звуками, перешедшими в буквы по еще неизвестному нам сходству. Таким образом, словесный знак является продуктом абстракции некоторого чувственного опыта, так же, как и символ, однако связанным с конкретным предметом, а главное (только если речь не идет о словесных символах — в художественных произведениях, молитвах, лозунгах) — начисто лишенным мотивационного компонента.

Классификация символов Эриха Фромма:

1. Условные (конвенциональные) символы — не имеющие никакой внутренней связи с обозначаемым. Единственной

причиной их возникновения служит некоторое соглашение, «заключенное» достаточно большой группой людей. К такому Э. Фромм относит математические символы, символы используемые в технике, а также слова естественного языка, коим данный автор, в отличие от А. Ф. Лосева, отказывает во внутренней связи с обозначаемым.

2. Случайные символы — возникают по принципу условного рефлекса И. П. Павлова — по пространственно-временной смежности. Этот тип символов, в отличие, от индексальных знаков Ч. Пирса, основывается на случайном совпадении, не являющимся закономерностью, а потому глубоко индивидуален (в отличие от условных символов). В качестве примера приводится запах духов, ощущаемый во время романтической встречи, в дальнейшем (если эмоциональный опыт был достаточно силен) всегда вызывающий сходное состояние.

3. Универсальные символы — основываются на внутренней связи между символом и символизируемым, не случайной, присущей самому символу, воспринимаемой всеми людьми одинаково, вне зависимости от заключения ими каких либо соглашений. Данная связь, однако, не всегда обладает одинаковой «жизненностью», т. е. способностью вызывать представление о символизируемом. Э. Фромм относит к истинным символам только две последние категории. Мы, однако, не вполне согласны со взглядами этого автора. Внутренняя связь с предметом, воспринимаемая одинаково всеми людьми, может быть присуща только достаточно однозначно воспринимаемому стимулу, такому, как иконический знак Ч. Пирса, обладающий внешним сходством с предметом. Либо же необходимо привлекать категорию коллективного бессознательного, предложенную К. Г. Юнгом, предполагающую наличие у всех людей, вне зависимости от нации и уровня интеллектуального развития, достаточно широкое поле стимулов, воспринимаемых одинаково. Не совсем,

впрочем, понятен механизм возникновения таких единых представлений и их передачи, который — если не прибегать к моделям «генетической памяти» — является несомненно культурным, а следовательно, в известном смысле конвенциональным.

Для нас же основным различием в понятиях знака и символа, пересекающихся в ряде точек, как было показано выше, является жесткость связи с предметной реальностью, трудно поддающаяся изменениям у знака и опирающаяся на широкое смысловое поле, допускающее множественное толкование, и поиск нестандартных, но внутренне логичных связей у символа.

Как пишет Н. В. Кулагина, с точки зрения А. Ф. Лосева (подход которого является философско-методологическим базисом настоящей работы), знак и символ отличаются еще и степенью обобщенности, что уже отмечалось выше. По мнению автора, такое понимание различий знака и символа весьма распространено в современной семиотике.

Выделяют следующие основные функции знаково-символических средств в деятельности (Н. Г. Салмина; А. С. Турчин⁷): коммуникативную (передача информации от одного человека к другому); познавательную (отражение реальности с выделением новых ее признаков); замещающую (функциональное замещение объекта знаковым средством). На микроуровне эти функции могут проявляться как индикативная (указательная — «вот он»); регуляторная (самоорганизация поведения); эстетическая и оценочная. Однако, очевидно, что это «функциональное деление» до известной степени условно — так, познавательные процессы предполагают и замещение объекта, в коммуникации происходит и дополнительное познание партнера по общению и т. д.

В соответствии с функциями знаково-символической деятельности выделяют ее виды (Н. Г. Салмина; А. С. Турчин):

а) моделирование — высший уровень работы со знаково-символическими средст-

вами, предполагает четкое разделение работы в реальном и символическом планах, с использованием материализованных или мысленных моделей, в которых отражены структурные, функциональные или генетические связи объекта;

б) схематизация — знаковым средствам отводится ориентировочная роль, заключающаяся в структурировании реальности при помощи «активной наглядности» (т. е. материализации), специфической чертой является раскрытие пространственных характеристик как объекта, так и знаково-символических средств;

в) кодирование — сжатие информации с целью возможно более точной передачи информации при общении при помощи разных типов связи знака и объекта (изображение, выражение отношения к нему, обозначение и т. д.);

г) замещение часто используется как терминологический эквивалент знаково-символической деятельности вообще, в более узком значении — перенесение функций объекта на знак («пусть эта палочка будет ложкой»).

Таким образом, можно прийти к выводу (вслед за Л. Т. Потаниной, А. Н. Гусевым⁸), что отражение объективного содержания действительности осуществляется посредством «объективных» значений (относительно независимых от индивидуального опыта человека), а выражение субъективного отношения человека к действительности осуществляется образно-символическими средствами, позволяющими обнаружить в объектах действительности смысл, т. е., по А. Н. Леонтьеву, «значение для себя». Смысл отличается от значения не широтой или узостью, а качеством, обусловленным характером протекающей деятельности (ее целями и мотивами), диктуемыми иной тип обобщения — значение выражается в знаке, смысл оформляется в символическом образе, при том что движение мысли и в логическом, и в образно-символическом мышлении идет от чувственно-конкретного познания к аб-

страктному. Знак и символический образ отличаются не степенью обобщения, а ее направленностью на построение познавательных смыслов у знака (вершиной является система научных понятий, отражающая прагматическую сторону жизни), и смыслы отношений (личностные смыслы, прагматическая сторона жизни) у символического образа.

Если логическое познание определяется многоуровневостью сущностей, то образно-символическое — смысловой многозначностью. Умение опредмечивать и распредмечивать смыслы само по себе, по мнению авторов, является лишь индикатором наличия у субъекта способности к образно-символической деятельности на операциональном уровне. Способность личности к конструированию и оперированию образно-символическими средствами и присвоение ценностно-смысловой составляющей мира рассматриваются Л. Т. Потаниной и А. Н. Гусевым как две стороны единого процесса.

В любой форме деятельности выделяются следующие компоненты⁴: *мотив* — предмет, побуждающий деятельность, на который направлена *цель* (представление о результате), объективно-предметные условия осуществления деятельности, среди которых важнейшими являются *средства достижения цели*. Цель, данная в некоторых условиях, есть *задана деятельности*. Особо следует отметить, что исходной формой деятельности является внешняя, практическая, а переход «во внутренний план» происходит в процессе интериоризации и специфической трансформации деятельности — обобщения, сокращения, вербализации. Отдельная *деятельность* может быть выделена по критерию побуждающих ее мотивов; *действия* — по направленности на цель, а *операции* непосредственно зависят от условий достижения конкретных целей (т. е. от задачи). При этом действие относительно автономно и может входить в состав различных деятельностей.

Следовательно: а) знаково-символическая деятельность должна иметь те же структурные элементы, что и любой другой вид деятельности (учебная, игровая, трудовая...) — мотив, цель, задачи; б) с другой стороны, действия со знаками и символами (опосредствование, представление, отношение) входят в структуру всех других деятельностей уже на достаточно раннем этапе онтогенеза как механизм развития высших психических функций; в) можно выделить типы знаково-символических средств по выполняемой ими функции в психической деятельности — вербальные, несущие преимущественно значение; образные, несущие преимущественно смысл; и комплексные (схемы, модели), несущие оба этих признака.

Знаково-символическая деятельность представлена действиями трех типов — *опосредствование* (речевое, наглядное), *представление* (единицей которого является образ-представление) и *отношение* (единица — личностный смысл), входящими в структуру всех видов деятельности. Сама же знаково-символическая деятельность представляет собой построение непротиворечивого образа мира на основе абстрагирования содержаний всех ВПФ, в структуру которых она входит как действие.

Можно возразить, что образ может нести исключительно значение, а слово — исключительно смысл, даже привести примеры психодиагностических методик (например, «Перешифровка символов»), иллюстрирующих данное положение. Однако это противоречие снимается введением понятия «образ-представление», содержащего как образный, так и вербальный компонент. Вот что пишет об образе-представлении Л. С. Цветкова¹⁰:

1. Образ, как и слово, имеет определенную семантику и выполняет существенные функции в мыслительном процессе, являясь не замкнутой в себе данностью сознания, а образованием, обозначающим предмет — поэтому номинативная функция

речи и предметный образ-представление оказываются теснейшим образом связаны.

2. Образ — «фактура слова», для формирования полноценной речи и ее нормального протекания необходима сохранность предметных образов, утрата которых ведет к искажению понимания смысла и значения.

3. Образ — предметен (порождается в процессе деятельности), системен (отражает функциональные связи вещи), имеет определенный уровень абстрагированное™ от реальности, несет на себе «смысловое поле» значений, в которых воспринимается мир.

Именно система перцептивных действий на основе предварительной гипотезы, построенной на экстраполяции из контекста чувственных впечатлений, приводит к построению предметного образа, пишет Л. С. Цветкова.

Трудность, по мнению Л. Т. Потаниной и А. Н. Гусева, состоит в том, что в психологической литературе образно-символи-

ческое мышление не рассматривается как деятельность, имеющая свою структуру, генезис и закономерности функционирования; отсутствует и четкое обозначение его психолого-педагогических характеристик, не выделяются критерии и особенности его формирования как фактора развития ценностно-нравственной структуры личности.

Однако, с нашей точки зрения, эта трудность снимается при интеграции психолого-педагогических исследований в области опосредствования (на моделях памяти, кодирования, графического диктанта и др.) и работ в русле парадигмы А. Н. Леонтьева о личностном смысле. В частности, высокой разрешающей способностью обладает понятие «смысловых образований», введенное А. Г. Асмоловым с соавторстве, но не получившее глубокой эмпирической проработки.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6 т. — М., 1983. — Т. 3.

² Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч.: В 6 т. — М., 1984. — Т. 6.

³ Салмина И. Г. Знак и символ в обучении. — М.: МГУ, 1988.

⁴ Лосев А. Ф. Символ // Хрестоматия по философии / Ред. П. В. Алексеев, А. В. Панин. — М.: Проспект, 2001.

⁵ Кулагина Н. В. Символ как средство мировосприятия и миропонимания. — М.: МПСИ, 1999.

⁶ Цветкова Л. С. Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение. — М.; Воронеж: МПСИ, 2000.

⁷ Турчин А. С. Особенности развития знаково-символической деятельности в онтогенезе // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, Серия Психологические науки. Акмеология образования. — 2006. — Т. 12. — № 4. — С. 65—71.

⁸ Потанина Л. Т., Гусев А. П. Связь образно-символического мышления с развитием ценностно-смысловых представлений личности // Вопросы психологии. — № 2. — 2008. — С. 30—40.

⁹ Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности // Системные исследования. — М.: Наука, 1975. — С. 82—108.

¹⁰ Цветкова Л. С. Мозг и интеллект: нарушение и восстановление интеллектуальной деятельности. — М.: Просвещение, 1995.